

УДК 94(5-191.2):284

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА МУСУЛЬМАН-ШИИТОВ
ТУРКЕСТАНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В.П. Литвинов

Рассматриваются проблемы государственного регулирования религиозного паломничества мусульман-шиитов Туркестана; обозначаются главные центры “зиярата” шиитов, пути к ним и основные трудности паломничества “алидов”.

Ключевые слова: Туркестан; мусульмане-шииты; паломничество; Неджеф; Кербела; Мешхед; Кум; Персия; “Турецкая Аравия”.

**STATE REGULATION OF PILGRIMAGE SHIITE MUSLIMS OF TURKESTAN
(LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

V.P. Litvinov

The article deals with problems of state regulation of religious pilgrimage of Shiite Muslims of Turkestan. The main centers «ziyarat» of Shiite Muslims, ways to them and the basic difficulties of pilgrimage «alides» are designated.

Key words: Turkestan; Shiite Muslims; pilgrimage; Nadjaf; Kerbelá; Meshed; Kum; Persia; «Turkish Arabia».

Паломничество мусульман-шиитов в царистском Туркестане было процессом неоднозначным, поскольку до 1898 г. в регионе существовали три самостоятельные административно-территориальные единицы: Туркестанское генерал-губернаторство (край) в составе Сыр-Дарьинской, Ферганской (с 1876 г.) и Самаркандской (с 1886 г.) областей, Закаспийская область (с 1881 г., до этого с 1874 г. считалась Закаспийским военным отделом) и Семиреченская область (в 1867–1882 гг. пребывала в составе Туркестанского края, а с 1882 г. была передана в Степное генерал-губернаторство). Соответственно, и принципы государственного регулирования паломничества шиитов были разными. Например, такое паломничество совершенно не интересовало власти Семиреченской области, поскольку в ней фактически не было “алидов” [1]. В других российских областях Туркестана шииты, имевшие постоянную “прописку”, могли отправляться в хадж (точнее, зиярат), только подав прошение на имя начальника уезда, который потом решал этот вопрос путем подачи рапорта в соответствующее областное правление, а оно, в свою очередь, при необходимости входило за разъяснениями в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора (КТГГ). Такой порядок был предусмотрен всеми царскими государственно-правовыми актами об управлении Туркестаном.

Следует заметить, что в большинстве случаев такая процедура касалась тех шиитов, которые хотели совершить паломничество в “Турецкую Аравию”, т. е. в Неджеф и Кербелу, поскольку существовали также и персидские “великие святыни” шиизма – в Мешхеде и Куме. Такие пилигримы должны были делать это потому, что для возвращения на родину им нужны были отметки Российского генерального консульства в Багдаде (центре “Турецкой Аравии”) и установленных на границе карантинных пунктов. Поэтому они должны были получать в областных правлениях паломнические “открытые листы” или заграничные паспорта установленного образца по фиксированным ценам.

Те шииты, которые направлялись в недалекие от границ Туркестана Мешхед или Кум, чаще всего обходились без бюрократической волокиты, выдавая отлучку для паломничества за выезд в Персию по торговым делам или иным целям. Поскольку это мероприятие занимало относительно немного времени, то могло осуществляться без ведома уездного начальства и без приобретения официальных паломнических документов, что было для большинства паломников-шиитов в известной мере накладно. В таких случаях российские уездные власти решали эти вопросы по согласованию с деятелями так называемой “туземной администрации” (органами местного самоуправления),

которые знали каждого “фигуранта” (паломника-шиита) и позже несли за него ответственность, если он позволял себе лишнее, пребывая за рубежом (в Персии) по религиозным, а не по заявленным целям. Понятно, что за определенную мзду представители “туземной администрации” в областях Туркестанского края не препятствовали хаджу шиитов в Мешхед или Кум, выдаваемому за выезд по торговым делам.

Иными были проблемы с паломничеством шиитов в Закаспийской области, где до прихода России в Среднюю Азию их было немало, что объяснялось общей линией персидской границы с Туркменией. В основном это были персы (иранцы), которые вели торговлю с туркменами Ахалтекинского, Мервского, Пендинского и других оазисов. Россия появилась на восточном побережье Каспийского моря в конце 1840-х гг., где был образован форт Александровский. Уже в то время персы-шииты приезжали с торговыми целями как в сам форт, так и на Мангышлак, где тоже находились русские укрепления. С образованием в 1874 г. Закаспийского военного отдела (из двух приставств – Красноводского и Мангышлакского) в крае появились военные поселения, и число персов-шиитов, прибывавших сюда с торговыми и иными намерениями, стало возрастать. Персов-коренных жителей отдела было тогда мало, но по правительственному “Положению об управлении Закаспийским военным отделом” от 9 марта 1874 г. его начальник имел право выдавать им “открытые листы” для паломничества в персидские Кум и Мешхед [2].

Что касается паломничества в Неджеф и Кербелу, то этот вопрос решался в канцелярии кавказского наместника, которому подчинялся Закаспийский военный отдел. Но в любом случае, при возникновении такой проблемы кавказские власти решали ее через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, который согласовывал вопрос с Российским посольством в Турции, в ведении которого находились эти города.

В 1881 г. в результате похода русских войск в Туркмению владения России в этом регионе в значительной степени расширились, в связи с чем была образована Закаспийская область с центром в небольшом селении Асхабад, вскоре превратившемся в город. Выросли и другие населенные пункты области: Кызыл-Арват, Мерв, Теджен, Серахс, Бахарден и др. Быстрый рост русского, армянского и иного “пришлого” населения привлекал персов-шиитов, обретавших более широкий рынок сбыта своих товаров. В населенных пунктах области быстро росло персо-шиитское население, которое проживало теперь преимущественно на постоянной основе с наличием законного “вида на жительство”.

Вместе с тем, в области было много и шиитов-временных жителей области. Их привлекала сюда возможность реального заработка на российской территории. Особенно много персов-шиитов работало в 1880-х гг. на строительстве Закаспийской военной железной дороги, которая имела важнейшее военно-стратегическое значение как для Туркестана в целом, так и сопредельных с ним регионов, не исключая прикаспийских территорий Кавказа.

Следует отметить, что первые русские администраторы как Закаспийского военного отдела, так и Закаспийской области мало интересовались внутриконфессиональным разделением местного мусульманства. Они больше делили его на кочевое (туркмены и мангышлакские казахи-адаевцы) и оседлое, среди которого были фактически и все мусульмане-шииты региона.

Однако со временем деление местного мусульманства по религиозным толкам заинтересовало высшие власти Санкт-Петербурга, в связи с чем начальник Закаспийской области генерал-лейтенант П.Ф. Рерберг в 1882 г. приказал провести перепись всех персов-шиитов в области. Начальники уездов, не имевшие опыта работы в новой, только образованной, области и потому не знавшие местной специфики, провели довольно долгую перепись, давшую весьма сомнительные результаты, поскольку к персам-шиитам были отнесены и другие категории местного населения, например персидские евреи, носившие издавна персидские имена, фамилии и имевшие персидское подданство [3]. Поскольку персидские евреи, дабы избежать действовавших в России ограничений для приверженцев иудаизма (кроме караимов и некоторых народностей Кавказа), выдавали себя за мусульман-персов (шиитов), то закаспийские власти довольно легко разоблачали их и высылали на родину [2]. По отношению же непосредственно к персам-шиитам, в т. ч. сохранявшим иранское подданство, закаспийские власти проводили либеральную религиозную политику. Им разрешали строить свои мечети, уходить с ведома начальства в паломничество к святым местам шиизма, и даже к проведению ашуры (тогда называлась “мухаррема”) власти тоже относились терпимо, но рекомендовали шиитам не устраивать “жутких” церемоний самоистязания при нешиитском населении.

Однако случаи “неблагонадежного” поведения персов-шиитов имели место, в связи с чем они пресекались властями решительно. Например, в 1887 г. начальник Закаспийской области генерал-лейтенант В.А. Комаров выслал из области перса-шиита, который похитил армянку с целью обращения ее в ислам и последующей на ней женитьбы [4]. Армян в Закаспийской области было в то время едва

ли не столько же, сколько персов, и они потребовали от властей принятия соответствующих мер. Закаспийское начальство недолюбливало армян, которые не только взяли под свой контроль значительную часть торговли в области и вели антирусскую, националистическую, “дашнакскую” [5] пропаганду, но меры все-таки приняли, так как речь шла о посягательстве мусульманина на обращение в “магометанство” христианки. А это царским законодательством рассматривалось как тяжкое преступление, наказуемое действовавшим в то время “Уголовным уложением” каторжными работами на срок от 10 до 20 лет, в зависимости от последствий содеянного. Понятно, что для перса-шиита высылка была в этом случае просто благом [4].

С постройкой Закаспийской военной железной дороги (ЗВЖД), перевозившей войска и грузы, с целью окупить расходы на ее сооружение было открыто и пассажирское сообщение. ЗВЖД была связана паромом с кавказскими железными дорогами. Паром отходил от Красноводска и, пересекая Каспий, прибывал в Баку. После этого, разгрузившись, отправлялся обратно. Выгоды новой линии сообщения Туркестана с Кавказом быстро оценили многие. Сразу стало переезжать в Закаспийскую область много армян, грузин, лезгин и проч. Позже они “рассасывались” по всем российским территориям в Туркестане – от Красноводска на западе до укрепления Бахты на востоке.

Об этом можно писать много, но, думается, проблема эта заслуживает отдельного исследования. Нас же здесь интересует вполне конкретный вопрос: как все это повлияло на паломничество мусульман-шиитов? Ответ напрашивается сам собой: повлияло сильно, причем, в какой-то мере, неожиданно для царского правительства.

Дело в том, что количество паломников-шиитов, направлявшихся в святые места Персии и “Турецкой Аравии”, стало быстро нарастать год от года. Но не за счет закаспийских шиитов. Приятная и сравнительно быстрая поездка в святые места вызвала огромный интерес со стороны шиитов Кавказа, где их были сотни тысяч, особенно в Азербайджане. Закаспийские власти не сразу оценили опасность такого роста шиитского паломничества. Более того, начальник Закаспийской военной железной дороги генерал М.Н. Анненков [6] решил “подзаработать” на паломническом ажиотаже шиитов и придать ему должное оформление.

К сожалению, Центральный государственный архив (ЦГА) Туркменистана утратил еще во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции огромное количество документов из фондов бывшей Закаспийской области, в связи с чем в фонде И-16 данного архивохранилища “Управле-

ние Средне-Азиатской железной дороги” (так стала называться ЗВЖД после передачи ее в ведение МПС) фактически не осталось документов ни по данному, ни по иным вопросам.

Но сошлемся на соответствующие документы из российских архивохранилищ, а также на свидетельства современников, тем более зарубежных, которые, глядя “со стороны”, возможно, замечали больше важных деталей, чем русский путешественник или обыватель Русского Туркестана, для которого многое важное становилось привычным, а потому не стоящим особого внимания. Например, англичанин Дж. Добсон, “путешествовавший” (с явно разведывательными целями) по Туркестану, в т. ч. по Закаспийской военной железной дороге в 1888 г., свидетельствовал о том, что руководство “новопостроенного пути сообщения” сделало много для привлечения к поездке по железной дороге мусульманских паломников, в т. ч. шиитов. Он, в частности, писал: “По приказу генерала Анненкова расписание движения поездов и путеводитель по Закаспийской железной дороге были опубликованы на отличной бумаге и с прекрасным портретом шаха для того, чтобы привлечь больше паломников-шиитов к поездке по русской железной дороге, чтобы им быстрее попасть к святым местам в Мешхеде и других местах” [7].

Следует отметить, что изданные руководством буклеты с расписанием движения поездов по ЗВЖД и путеводители с портретом шахиншаха, а равно и билеты на поезда раскупались персами-шиитами весьма охотно. Паломничество по ЗВЖД сокращало путь паломничества в Мешхед (по самым скромным оценкам) в 5–6 раз. Соответственно, меньше времени было нужно и для паломничества в Кум. Существенным образом (в 3–4 раза) поездка по железным дорогам Кавказа и Закаспийской области Туркестана сокращала и время паломничества кавказских шиитов в “Турецкую Аравию” – к святым могилам имамов Али и Хусейна в Неджефе и Кербеле. Многие кавказские шииты, опасавшиеся длительного пешего и гужевого пути (по возрасту или прочим обстоятельствам), с появлением ЗВЖД стали оптимистичнее относиться к реальности личного паломничества и совершали его, благополучно возвращаясь тем же путем на родину. Таким образом, число кавказских паломников-шиитов в Мешхед, Кум и священные города “Турецкой Аравии” с конца 1880-х гг. перманентно нарастало.

19 ноября 1890 г. российский консул в Багдаде писал своему непосредственному начальнику – послу империи в Константинополе (так тогда в официальных документах России всегда называли Стамбул) о том, что ежегодно шиитские святые места в “Турецкой Аравии” (Ираке) посещали

около 100 тыс. паломников-шиитов, причем из них 19,5 тыс. – с Кавказа и из Русского Туркестана. Консул отмечал, что быстрый рост числа российских паломников-шиитов обнаружился особенно в последние годы и надо принимать меры к ограничению наплыва паломников-шиитов к их святым местам в “Турецкой Аравии” как по политическим, так и санитарно-гигиеническим соображениям, поскольку при огромном стечении народа в одном месте возможность быстрого распространения эпидемий резко возрастает [8]. Естественно, что посол доложил об этом в Министерство иностранных дел России, откуда эта информация, в соответствии с установленным порядком, была передана в Военное министерство, в ведении которого находилась и Закаспийская область, и все российские территории Туркестана вообще.

Неизвестно, как могло бы развиваться решение этой проблем, если бы в начале 1890-х гг. в жизни Закаспийской области не произошли существенные перемены. Во-первых, до начала 1890 г. область (а равно и Закаспийская железная дорога), как мы уже отмечали выше, находилась в подчинении кавказского начальства. Во-вторых, 6 февраля 1890 г. царь Александр III утвердил “Временное положение об управлении Закаспийской областью”, которое выводило ее из ведения кавказских властей и подчиняло напрямую Военному министру. Наконец, в-третьих, начальником области был назначен “старый туркестанец”, участник присоединения Средней Азии и, в частности, Туркмении, генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин.

К сожалению, личность Куропаткина и в царские, и в советские времена оценивалась однозначно: его одинаково обвиняли (на наш взгляд, необоснованно) в поражении России в войне с Японией, которую, по сути, проиграл царизм, а не отдельные полководцы, пусть даже и бездарные. Однако мы можем смело утверждать, что как администратор Куропаткин показал себя превосходно и недаром англичане в Британской Индии считали его лучшим российским управленцем в Туркестане. При Куропаткине (1890 – нач. 1898 г.) Закаспийская область достигла больших результатов в развитии и приобщении туркмен к русскому управлению – они уважали Куропаткина настолько, что даже когда в 1898 г. он стал военным министром, продолжали обращаться именно к нему с просьбами решить те или иные житейские проблемы.

Куропаткин проводил трезвую, взвешенную и осторожную религиозную политику по отношению ко всем конфессиям области и, прежде всего, преобладающей – мусульманской. Он принципиально не разделял суннитов и шиитов, хотя отлично знал, чем они отличаются друг от друга. Он

не позволял численно преобладавшим суннитам притеснять своих противников – шиитов. Вместе с тем он ужесточил запрет публичного проведения “шахсей-вахсея” (ашуры – “мухаррема”), но допускал его внутри шиитских мечетей или же в безлюдном месте, за населенными пунктами, причем непременно под надзором полиции и представителей “медицинской части”. Куропаткин поставил под контроль государства и полиции Закаспийской области паломничество как суннитов (хадж), так и шиитов (зиярат). Но оставим в стороне проблему хаджа, о которой писали уже немало [9].

Паломничество шиитов при Куропаткине было разумно упорядочено. Куропаткин разрешил шиитам совершать паломничество в святые места Персии (Мешхед и Кум) без документов, с обязательным уведомлением лишь начальников уездов или приставств, с указанием сроков отлучки и при отсутствии проблем с местными властями и жителями (например, уплаты перед паломничеством всех долгов).

Что касается паломничества закаспийских шиитов в “Турецкую Аравию”, то все желающие совершить его должны были исполнять установленную законом процедуру и получать заграничные паспорта в Канцелярии начальника Закаспийской области с уплатой гербовых сборов, пошлин и т. п. Самовольное (тайное от властей) паломничество закаспийских шиитов в Неджеф или Кербелу было категорически воспрещено и чревато запретом их последующего возвращения в российские пределы.

Следует отметить, что закаспийские шииты отнеслись с пониманием к справедливым требованиям генерала Куропаткина и в большинстве своем довольно быстро стали соблюдать установленные им правила. Без санкций властей в паломничество стали уходить только те шииты, которые проживали в Закаспийской области временно и после хаджа не собирались снова возвращаться на ее территорию. Впрочем, власти этим мало интересовались, поскольку такие случаи были для них равносильны простому выезду подданного чужого государства за пределы России.

При этом следует подчеркнуть, что администрация Куропаткина, заинтересованная в развитии торговли и притоке зарубежной рабочей силы, не препятствовала временному пребыванию мусульман-шиитов в Закаспийской области, но с обязательным и скорым заявлением в полицию о таком прибытии, его сроках, целях и т. д. За время управления Закаспийской областью суровый, но справедливый порядок (а на Востоке это ценят) привлек в нее немало мусульман-шиитов как на постоянное, так и временное жительство. Куропат-

кин обеспечил все условия для проведения Первой всероссийской переписи 1897 г. в области, данные которой, совместно со сведениями, полученными от начальников уездов и приставов, свидетельствовали о том, что к концу XIX в. в Закаспийском регионе ежегодно проживало 15–20 тыс. персов-шиитов, и практически все они добросовестно совершали паломничество в священные места своей веры в соответствии с нормативно-правовыми установлениями российских властей.

Большую проблему для последних представляло паломничество через Закаспийскую область к святым местам шиизма кавказских “алидов”, так как их было трудно распознать в общей массе пилигримов, в большинстве своем суннитов. Кавказские шииты использовали Закаспийскую область как “транзит” и часто не имели никаких документов – ни паломнических, ни даже тех, которые просто удостоверяли бы их личность. Главным для них было – как можно быстрее “проскочить” через Закаспийскую область, с ее суровым и непреклонным начальством, и попасть на территорию Персии, где они уже могли чувствовать себя в родной стихии и по дешевым расценкам приобрести персидские паспорта для дальнейшего следования к шиитским святым местам в “Турецкой Аравии” – в Неджеф и Кербелу.

Конечно, жандармско-полицейское управление Закаспийской железной дороги, общая (военная) уездная полиция, приставы, туркменские “джигиты” (милиционеры) и другие представители “туземной” администрации отлавливали немало таких “беспаспортных” кавказских паломников-шиитов, после чего их выдворяли по этапу домой. Но пространства Закаспийской области были настолько огромны (по сравнению с любой областью Центральной России) и не населены, а “джигиты” и лица “туземного самоуправления” столь “неподкупны”, что большинство таких кавказских пилигримов-шиитов все же проходили через территорию области удачно.

Этот факт был хорошо известен Куропаткину. Но генералу было, естественно, неприятно, когда ему напоминали об этом из Министерства иностранных дел России. Так, 30 ноября 1892 г. российский генеральный консул в Хорасане (провинции Персии) уведомлял свое министерство (а копией – Канцелярию начальника Закаспийской области) о том, что в Мешхед и Кум прибывает множество кавказских паломников-шиитов, не имеющих никаких документов от российских властей. Генеральный консул писал, что многие “беспаспортные” паломники-шииты после этого направляются без колебаний в “Турецкую Аравию”, на поклонение гробницам святых имамов

Али и Хусейна. Он выражал удивление по поводу того, каким образом они могли пробраться через Закаспийскую область, руководимую по строгим принципам “военно-народного” управления, с большим количеством войск, пограничников, таможенников и полиции. Хорасанский дипломатический представитель предлагал Министерству иностранных дел “просить” начальника Закаспийской области усилить работу пограничных постов в Гаудане, Каахке, Душаке и др. по контролю за кавказскими паломниками-шиитами и ужесточить наказание для “беспаспортных” пилигримов путем наложения на них штрафа в размере двойной стоимости шестимесячного заграничного паспорта [8, л. 14–14 об.].

В ответном рапорте начальнику Главного штаба генерал-адъютанту Н.Н. Обручеву Куропаткин указывал, что хорасанский дипломат не прав, возлагая на него ответственность за пограничников, которые находились в подчинении Министерства финансов, хотя те во многом и прислушивались к его мнению. Он сообщал, что уже сделал соответствующее “внушение” начальникам пограничных воинских подразделений, уездов и приставств и запросил также мнение “независимого эксперта” – начальника российской таможни в Узун-аде (он тоже подчинялся Министерству финансов) о состоянии паломничества кавказских мусульман-шиитов в Персию.

Начальник узун-адинской таможни писал Куропаткину, что состояние паломничества кавказских шиитов в Персию нельзя считать нормальным, поскольку многие из них не имеют заграничных паспортов, а потому ищут лазейки на границе, которые без труда находят с помощью местных жителей – проводников, знающих, как можно обойти пограничные посты и воинские караулы (преимущественно казачьи) и за небольшую плату помогающих сделать это. Начальник узун-адинской таможни высказал ряд дельных предложений по улучшению ситуации с контролем за произвольной миграцией кавказских паломников-шиитов [8, л. 20–20 об.].

Генерал-лейтенант Куропаткин приказал увеличить число стационарных военных пограничных постов и ввел подвижные, “летучие”, посты из русских казаков и туркменских конных милиционеров, которые постоянно передвигались вдоль участков границы и неожиданно появлялись перед нарушителями. Если кавказский паломник имел при себе заграничный паспорт, то начальники стационарных и подвижных постов имели право визировать такие паспорта, с тем чтобы пропускать обратно только тех кавказских паломников-шиитов, которые имели “входящее” визирование.

Поскольку Закаспийская железная дорога была доведена до Узун-ады, то Куропаткин приказал местным властям поощрять движение кавказских паломников-шиитов по этой линии, снизив цену билета для паломников по предъявлении ими законных паломнических документов. Это мера имела эффект как в финансовом (стало больше ездить паломников), так и в политическом отношении – был усилен надзор за самими паломниками с получением сведений: откуда они, какого рода занятий, возраста, пола и т. п.

Безусловно, полностью выправить ситуацию с кавказскими паломниками-шиитами Куропаткин не смог, но ему удалось в значительной мере ее упорядочить. По просьбе Куропаткина Военное министерство обратило внимание Министерства внутренних дел, которому подчинялись кавказские губернии (кроме Терской и Кубанской областей, подчинявшихся военному министру), с тем чтобы губернские правления и полицейские органы упростили и удешевили порядок выдачи паломнических документов своим мусульманам-шиитам и усилили контроль за ними. Однако Министерство внутренних дел не приняло действительно эффективных мер в этом направлении, поскольку, как известно, оно постоянно вело борьбу с Военным министерством за право управления Туркестанским краем и, естественно, не старалось облегчить жизнь тамошней военной администрации. Единственно, с кем Куропаткин смог быстро договориться о согласовании действий в решении вопроса о шиитском паломничестве, были власти Туркестанского края, так же, как и он, подчиненных “родному” Военному министерству. Впрочем, не только это обстоятельство сыграло свою роль – туркестанские краевые власти были не меньше Куропаткина заинтересованы в том, чтобы усилить контроль над паломничеством и своих мусульман-шиитов.

Однако единство действий военных властей Русского Туркестана в этом вопросе, усиленное в 1898 г. реальным (официально с июня 1899 г.) объединением всех 5 областей (в т. ч. Закаспийской) под “крышей” одного генерал-губернаторства, которое, казалось бы, должно было ускорить решение вышеуказанного вопроса, напротив, постепенно утрачивало свою результативность. Большую роль в этом сыграло нарастание кризиса в Туркестане с начала XX в. (особенно в революционные 1905–1907 гг.), который носил всеобъемлющий характер и, понятно, не мог не сказаться на регулировании шиитского паломничества в регионе. Генерал-губернаторы и руководители областей долго не засиживались на своих местах – их часто смещали с должностей и заменяли другими. По-

этому большинство из них, прибывавших в Туркестан из других мест России, плохо знали положение дел во вверенных им пределах, не говоря уже о шиитском паломничестве.

На состоянии шиитского паломничества в начале XX в. сказались и революционные события в Персии 1905–1911 гг., приведшие к усилению британского господства в тех районах, которые примыкали к “Турецкой Аравии”. Паломничество шиитов сюда из России стало сокращаться, но российские власти к этому сокращению не имели никакого отношения – шииты боялись англичан, которых ненавидели на исламском Востоке за их зверства по отношению к мусульманам Индии и других их колоний (как известно, восставших мусульман-сипаев англичане привязывали к пушкам и расстреливали). В связи с этим большинство мусульман-шиитов Туркестана в начале XX в. совершали паломничество к святым местам в Персии – в Мешхед и Кум.

Но и в это время с Кавказа по-прежнему проникло в Туркестан много “беспаспортных” шиитских пилигримов. Следует отметить, что после ухода Куропаткина с должности начальника Закаспийской области (он занял пост военного министра) борьба с “беспаспортными” пилигримами-шиитами велась туркестанскими властями спорадически и вяло. Только с началом Первой мировой войны и военных действий России против Турции на Кавказе, общее число кавказских паломников-шиитов резко сократилось. В самом Туркестанском крае также было введено чрезвычайное положение, при котором любой “беспаспортный” паломник-шиит мог серьезно пострадать по “законам военного времени”, по подозрению в шпионаже. Но главной причиной сокращения паломничества шиитов Туркестана (и Кавказа) к зарубежным “святым местам” шиизма, на наш взгляд, было значительное ухудшение в военное время материального положения большинства шиитского населения указанных регионов и рост рисков, связанных с паломничеством.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что паломничество мусульман-шиитов было достаточно заметным явлением в жизни Туркестана, в связи с чем оно никогда не выпадало из внимания царских властей в регионе. Последние не запрещали его точно так же, как и хадж мусульман-суннитов в Мекку и Медину. Вместе с тем власти держали процесс шиитского паломничества под постоянным контролем, который, однако, в целом не был ни чрезмерно жестким, ни всеобъемлюще отрегулированным. Куропаткину удалось лишь временно упорядочить процесс шиитского хаджа. Поэтому мусульмане-шииты Туркестана и Кавказа

имели большие возможности посещения сакральных для них мест в Персии и Ираке, находившихся тогда под властью враждебной России Османской империи.

Литература и примечания

1. Шиитов часто называли «алидами» из-за их ярой приверженности учению последнего «праведного» халифа, двоюродного брата и зятя Пророка – Али.
2. См.: Именной [указ], объявленный в приказе по военному ведомству 15-го того же марта. Об управлении Закаспийским краем. 9 марта 1874 г. Временное положение о военном управлении в Закаспийском отделе // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е (ПСЗРИ-2). Т. 49. Отд. 1. 1874 г. СПб., 1876. № 53233. С. 333–338.
3. ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 18. О высылке из Асхабада как еврея персидского подданного Ага-Гусейна Исмаилова. Л. 1–4.
4. ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 24. О высылке из области Али Гаджи Гусейн-оглы за намерение увезти и обратить в магометанство армянку. Л. 1–8 об.
5. Дашнак-цутюн – партия армянских буржуазных националистов. Проповедовала создание государства «Великая Армения» на основе объединения российских и турецких районов, населенных армянами. Отличалась крайне антирусской и антиправославной настроенностью.
6. Анненков Михаил Николаевич (1835–1899) – генерал от инфантерии. За “вполне успешную и необычайно быструю” (слова из царского указа – Авт.) постройку Закаспийской железной дороги был пожалован бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского и пожизненной пенсией в 5 тыс. руб. ежегодно. За постройку Амударьинского моста его имя было увековечено установкой его бюста в г. Чарджуй.
7. *Dobson G. Russia's railway advance into Central Asia. Notes of journey from St. Peterburg to Samarcand / G. Dobson. London, 1890. P. 127.*
8. ЦГА Тур. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2689. О паломничестве жителей Кавказа в священные места шиитов, находящихся в Турецкой Аравии. Л. 1–1 об.
9. См.: *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени) / В.П. Литвинов. Елец: изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.